

Иван СОКОЛОВ

У ВЕЧНОСТИ НА КРАЮ...

фото Владимира Кушарева

Если верить статистике, коренные народы составляют примерно четыре процента от населения Земли. Казалось бы, совсем немного — буквально горстка людей, живущих где-то там, на окраинах цивилизации. Но это как посмотреть. Из пяти тысяч этносов, населяющих нашу планету, без малого четыре тысячи — это коренные народы. И каждый такой народ — часть мирового общечеловеческого опыта, многовековая история и неповторимая культура. Получается, что исчезни вдруг эта горстка людей — и мы сразу потеряем три четверти нашего этнического и культурного разнообразия. Человечество катастрофически обеднеет.

Сибирь — особая территория. Пожалуй, одна из самых многонациональных на земном шаре. Уникальное пространство, где на протяжении веков переплетались судьбы самых разных народов, складывалась общая история разных культур, верований и укладов. Но в новом XXI столетии этой истории, похоже, приходит конец. Наступающая со всех сторон техногенная цивилизация просто не оставляет места для исконных культур и вековых укладов. Ну разве могут национальные традиции и архаичный быт коренных жителей Сибири противостоять глобализации и научно-техническому прогрессу? Силы явно неравны.

А вот с этим как раз можно поспорить, считает этносоциолог Юрий Попков. После многих лет исследований он пришел к неожиданному выводу: то, что малые народы исторически обречены на исчезновение, отнюдь не аксиома. Более того, сегодня мы наблюдаем обратную тенденцию — неожиданный и бурный ренессанс традиционных культур. И что в итоге победит — традиция или глобализация — еще большой вопрос...

ВОПРОКИ ВСЕМ ПРОГНОЗАМ

— Юрий Владимирович, вам не кажется, что вы отрицаете очевидное? Пространство существования малых народов с каждым годом все больше сужается. Их традиции и быт вступают в противоречие с современной цивилизацией и постепенно угасают. Что может остановить этот процесс?

— Отчасти вы правы. Я и сам, наверное, не стал бы с этим спорить — лет тридцать назад. Действительно, обе главные идеологии нашего времени — и либеральная, и марксистская — утверждали, что у традиционных культур нет будущего. Еще аспирантом я читал работы отечественных и западных исследователей конца XIX века, где авторы с цифрами и фактами доказывали, что дни малочисленных народов Сибири сочтены: все идет к тому, что они вот-вот будут ассимилированы, исчезнут с лица земли.

По логике вещей так оно и есть: глобализация, интернационализация, давление техногенной культуры как будто не оставляют никаких возможностей для существования коренных этносов. И все же — смотрите: уже полтора века все предрекают малым народам скорое исчезновение, а они... не исчезают.

Меняется политический строй, приходят и уходят правительства, мир сотрясают революции и войны, а охотники и оленеводы продолжают жить почти так же, как жили столетиями назад. Мне кажется, что традиционная культура обладает каким-то особым потенциалом самосохранения...

— Недооцененным современной наукой?

— Я бы сказал — не до конца понятым. Ученые еще не знают, как и почему действуют эти механизмы, в чем секрет этой жизнестойкости. Тут ведь все очень неоднозначно. Взять хотя бы ту же глобализацию: с одной стороны, она, конечно, представляет большую угрозу для коренных народов, но с другой, в некоторых случаях способствует их сохранению.

— Вы говорите парадоксальные вещи.

— А жизнь вообще полна парадоксов. Вспомните нашу историю — как проходил процесс освоения Сибири. Сразу оговорюсь: сам я не очень люблю это слово — освоение. Как будто мы явились на пустую территорию, где до нас никого и ничего не было. Это все наши стереотипы. На самом деле еще задолго до прихода русских Сибирь уже была освоена местными народами.

Да, они не строили городов и дорог, не пахали и не сеяли, но разве в этом дело? Например, оленеводы со своими стадами преодолевали сотни и даже тысячи километров. Разве они не осваивали свою землю? То же самое можно сказать об охотниках и рыбаках. Это просто другой образ жизни.

— И тут, кстати, есть один очень любопытный момент. Мы все со школьной скамьи знаем, что присоединение Сибири происходило мирным путем. Мы повторяем это, уже не вникая в смысл. Но если задуматься—это же удивительный факт! Особенно когда сравнишь со способами «освоения» западной цивилизаций других территорий...

— В том-то и дело! Присоединение Сибири оказалось в своем роде уникальным опытом в истории человечества. На соседнем с нами североамериканском континенте европейцы не особо церемонились—просто взяли и истребили больше половины коренного населения. Точно так же, с небольшими вариациями, они вели себя в Южной Америке, Африке, Австралии... У нас в Сибири ситуация складывалась совершенно иначе.

Я считаю, здесь сработало несколько причин. Во-первых, геополитический фактор. Сибирь—действительно огромное пространство. Людей было мало, земли—сколько хочешь. Поэтому казаки могли строить остроги, не гоняя коренных жителей с их кочевий, а русские крестьяне, распахивая целину, не вторгались в охотничьи угодья тунгусов и остяков.

Во-вторых, не будем забывать, что Сибирь оказалась для нашего государства очень важным ресурсом. Здесь добывали «мягкую рухлядь», считавшуюся в те времена главной отечественной валютой. А занимались этим сибирские охотники. Неудивительно, что власть была крайне заинтересована в том, чтобы они могли мирно существовать, платить ясак и пополнять царскую казну. Поэтому невмешательство в жизнь коренных народов—это была очень мудрая по тем временам государственная политика.

Ну и, наконец, я бы не стал сбрасывать со счетов еще одно важное обстоятельство—особенный менталитет русского народа. Его готовность к мирному соседству, общению и сотрудничеству с другими этносами. Как ни крути, но это действительно часть нашего цивилизационного кода—у нас никогда не возникало стремления истребить чужой народ огнем и мечом.

И раз уж мы говорим о парадоксах, мне хотелось бы подчеркнуть один момент, о котором нечасто вспоминают наши историки. Вы думаете, почему еще коренные народы охотно приняли власть «белого царя»? Да потому что для них это тоже было выгодно! Дело в том, что, обосновавшись в Сибири, русские взяли под защиту и тех, кто здесь жил, и их земли. Прекратились набеги воинственных южных племен, стихли междоусобные конфликты.

ЛОВУШКА ДЛЯ ЭСКИМОСА

— Выходит, что уже со времен Ивана Грозного можно говорить о взвешенной и дальновидной национальной политике Российского государства?



фото Владимира Кушнарева

— И во времена Ивана Грозного, и позже. Взять хотя бы известный Устав «Об управлении инородцев», принятый еще в 1822 году. Даже сейчас читаешь и удивляешься—как прогрессивно мыслили наши законодотворцы двести лет назад!

Этот Устав давал сибирским народам право на свой особый образ жизни—каждому в соответствии с национальными традициями и обычаями. Мало того, царской волей он обеспечивал им свободу вероисповедания и возможность самоуправления.

А вспомнить двадцатый век? Это сейчас кажется, что советская власть только и делала, что боролась с шаманами и сгоняла оленеводов в колхозы. А то, что она вытаскила людей из нищеты, дала им образование, обеспечила технической и материальной поддержкой их быт... Об этом почему-то забывают.

Я вам больше скажу: многие наши коренные народы, даже такие крупные, как ханты и эвенки, смогли по-настоящему консолидироваться и осознать себя только с приходом советской власти.

— Вы хотите сказать, что это тоже произошло благодаря нашей национальной политике?

— Конечно! Представьте—пространства огромны, люди живут разрозненно, отдельными родоплеменными общинами, нередко жители соседних кочевий друг друга даже не понимают, поскольку говорят практически на разных языках. Как тут почувствовать свою этническую общность и обрести национальное самосознание?

Советская власть многим дала письменность, объединила отдельные общины в национальные округа. И было это, скажу вам, очень непросто. К примеру, у такого небольшо-

го дальневосточного народа, как нивхи, оказалось столько диалектов, что ученые долго не могли решить, какой же из них должен лечь в основу литературного языка. Копья ломались не на шутку. Не обошлось без обид—ведь каждый нивх считал свой диалект самым главным!

А в то время как у нас малые народы создавали свою национальную литературу, в Канаде эскимосам и северным индейцам вообще запрещалось говорить на родном языке. И шаманов, кстати, там тоже преследовали.

Мне самому как-то пришлось столкнуться с особенностями западного подхода к проблеме малочисленных этносов. Было это давно, еще во время моей первой поездки на канадский север, в восьмидесятых годах. Воспитанный в Советском Союзе, я был плохо знаком с жесткими законами рынка, поэтому услышанная там история показалась мне просто дикой.

Дело было так. Канадские эскимосы испокон веков жили охотой — ставили ловушки на пушного зверя, шкурки продавали и тем зарабатывали на жизнь. Но тут «зеленые» подняли громкую кампанию в защиту диких животных. И преуспели — натуральный мех резко вышел из моды, спрос на шкурки упал до минимума. В итоге рухнула целая отрасль традиционной экономики. Зверюшек спасли, а вот людей оставили без средств к существованию. Пришлось канадским властям брать их на содержание — платить охотникам за то, что они больше не добывают зверя. Помню, как вождь самой северной резервации говорил мне с горечью: «Мой народ превратился в иждивенцев!»

— Эта история возвращает нас к главной теме разговора. Мы видим, как традиционный образ жизни, культура и быт коренных народов отстают под напором глобализации.

— Знаете, я уже говорил о парадоксах. Так вот, здесь срабатывает известный закон — действие равно противодействию. Понимание, что каток глобализации способен укатать всех, заставляет человека инстинктивно сопротивляться. Вы заметили, как резко в последнее время вырос у людей интерес к их этническим корням, традициям, истории? Это же не случайно! Человек пытается противостоять всеобщей унификации. И национальные корни, язык, культурное своеобразие становятся оружием в этой борьбе.

Но это лишь одна сторона вопроса. Есть и другая. Когда везде все одинаково, когда во всем мире носят одни и те же джинсы, едят одни и те же гамбургеры, жуют одну и ту же жвачку, люди начинают искать что-то особенное — живое, настоящее, уникальное. То, что больше нигде не увидишь. И они готовы платить за эту уникальность хорошие деньги.

Помню свою первую этносоциологическую экспедицию в Монголию, поезд Москва — Улан-Батор. Прошелся я по составу и прикинул, кто в нем едет. Процентом пять — русские, еще столько же — монголы. Остальные девяносто процентов — западные европейцы. Казалось бы, что им тут делать? Чего их понесло в «отсталую» Монголию? Да в том-то и весь секрет! Монголия с ее юртами и кочевниками для западного туриста гораздо привлекательней, чем пятизвездочный отель. Потому что никакими дарами цивилизации его не удивишь. Он видел их много раз, а настоящих кочевников — никогда.

Получается, что глобализация не только провоцирует интерес к элементам традиционной культуры — она дает ресурсы для их сохранения. И в той же Монголии этим уже активно пользуются. Раз есть спрос, значит, будет и предложение. Если западные туристы готовы платить деньги, чтобы посмотреть какой-нибудь древний обряд или национальный праздник, значит, ради этого стоит проводить праздники и возрождать обряды.



фото Владимира Кушнарёва

— Но не превращаем ли мы тем самым этносы в некий красиво упакованный коммерческий продукт?

— Вот тут вы попали в точку. Это очень серьезная опасность. И если вы спросите меня, как ее избежать, я не отвечу — потому что универсальных рецептов нет. А последствия такой коммерциализации порой бывают даже курьезными. Встречался я как-то с руководителем ассоциации шаманов одной из республик, и он в разговоре похвастался — мол, в наших рядах числится уже шестьдесят шаманов. «И сколько среди них настоящих?» — спрашиваю. Мой собеседник в ответ промолчал.

ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ БЕЛОГО

— Говоря об угрозах, которые несет цивилизация существованию коренных народов, стоит назвать еще одну — освоение Арктики. Северные территории

представляют огромный экономический и геополитический интерес. Разве в этом нет опасности для традиционной жизни существующих там этносов?

— А знаете, я бы не стал делать таких скоропалительных выводов. Это как с глобализацией — с одной стороны, вроде бы угроза, а с другой — ресурс для развития. Возьмем для примера полуостров Ямал. Там огромные нефтяные и газовые месторождения, строятся поселки, трубопроводы... И при этом на полуострове самые большие стада домашних оленей. Не в России — в мире! Это удивительно: везде поголовье оленей сокращается, а на Ямале растет.

— И отчего же так происходит?

— Загадка! Могу лишь предположить, что свою роль сыграло как раз освоение полуострова. Как-никак, богатый развитый регион, и на оленину здесь хороший спрос — есть кому покупать, есть чем платить.

Но это не значит, что, планируя наш «бросок на север», мы должны уповать лишь на экономику, технологии, ресурсы... Важно не забывать о людях. И тут нам стоит обратиться к опыту канадцев и американцев — да, теперь уже не они у нас, а мы у них можем поучиться отношению к коренными этносами.

Когда на Аляске решили строить нефтепровод, местные жители заволновались — трубы собрались прокладывать по местам сезонной миграции дикого оленя карибу и других животных, а это могло не только нарушить экосистему, но и лишить людей источника пропитания. Ведь охота на оленей — традиционный промысел аляскинских эскимосов. К доводам аборигенов прислушались, и строительство решено было отложить.

Несколько лет специалисты изучали этот вопрос, рисовали карты постоянных оленьих маршрутов. Нефтепровод в итоге построили. Но там, где пролегают оленьи



Юрий Владимирович Попков
российский этносоциолог и философ

Родился 3 декабря 1954 года в поселке Начало Ульяновской области, в крестьянской семье. После школы и двух лет работы в селе Ундоры поступил на философский факультет Ленинградского государственного университета. А в 1978 году, защитив диплом, Попков получил распределение в Новосибирск. Здесь он поступил в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР и увлекся изучением коренных сибирских народов.

Сегодня за плечами Попкова десятки экспедиций в различные районы России, Индии, Канады, Монголии и Казахстана. Сфера его научных интересов — этносоциальные процессы, философия и социология Севера, теория евразийства и т.д. Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, руководитель новосибирской этносоциологической школы. Он автор и соавтор двадцати семи монографий, нескольких учебников и сотен научных статей.



фото Владимира Кушнерова

тропы, трубы были протянуты высоко над землей — так, чтобы даже самые крупные самцы могли пройти, не задев их рогами.

— **Юрий Владимирович, позволю себе напоследок задать провокационный вопрос. А какую, собственно, ценность представляют для нас эти малые этносы с их традициями? Вот исчезло, скажем, какое-то племя эскимосов-охотников — кто из нас об этом узнал и пожалел?**

— На самом деле вопрос этот не такой уж и провокационный. Именно так до недавнего времени рассуждали на Западе — мол, кому нужны эти богом забытые, отсталые коренные народы со своим примитивной культурой? Их единственный возможный путь — интеграция в «цивилизованное общество». Такова была версия развития. А необходимость сохранения этнокультурного разнообразия

была по-настоящему осознана в мире не так давно. Считается, что такая «диверсификация» служит для человечества залогом жизнеспособности.

— **Каким же образом?**

— Смотрите: каждый народ — это уникальный опыт, особая картина мира, свой способ адаптации к среде. К примеру, эскимосы различают до пятидесяти оттенков снега, и для каждого оттенка у них есть свое название. Мы с вами на это не способны, да нам и не надо — у нас совсем другой образ жизни. Лучше он или хуже, чем у оленевода? Как считаете?

Не спешите с ответом. Давайте вспомним кризис 2008 года. Была общемировая экономическая катастрофа, от которой пострадало огромное количество людей. Не только крупные компании и банки — целые государства оказались банкротами.

А знаете, кого кризис вообще не коснулся? Тех, кто к глобальной экономике не имел никакого отношения и занимался просто натуральным хозяйством.

Да, вы угадали — это наши малочисленные коренные народы. В кризисной ситуации их традиционная модель жизни оказалась куда более устойчивой и надежной. И в этом отношении нам есть чему у них поучиться. Ведь мы с вами страшно зависимы от внешних обстоятельств — не только от мировой экономики, но и от нашей техногенной цивилизации. Попробуй отними у нас Интернет — это же будет катастрофа! А если исчезнет электричество? Опустеют водопроводы? Между тем коренные народы не зависят ни от Интернета, ни от электростанций — только от самих себя и природы. А поскольку мы с вами не знаем наверняка, что ждет человечество даже в ближайшем будущем, нам нельзя отказываться от их жизненного опыта. Ведь может настать момент, когда он нам ох как пригодится...

— **И каков же ваш прогноз?**

— Я считаю, что тот всплеск национального самосознания, который мы сейчас наблюдаем, будет продолжаться. И не только у нас в стране. Знаете, почему? Глобальный мир сейчас переживает эпоху турбулентности, перспективы туманны. А это порождает страх перед будущим. Человек, чувствуя свою незащищенность, пытается найти что-то надежное, понятное, чтобы ухватиться, как за последнюю соломинку. И такой соломинкой часто становится его этнос. Традиция дает человеку ощущение хоть какой-то устойчивости в этом изменчивом мире. Возможно, иллюзорное, хотя... Хотя почему бы и нет? С тех пор как неолиберализм окончательно себя дискредитировал, мы мечтаем о новой, альтернативной модели мироустройства. И кто знает — возможно, сегодня мы присутствуем при ее рождении. Сможет ли традиция победить глобализацию? История покажет. 🍀